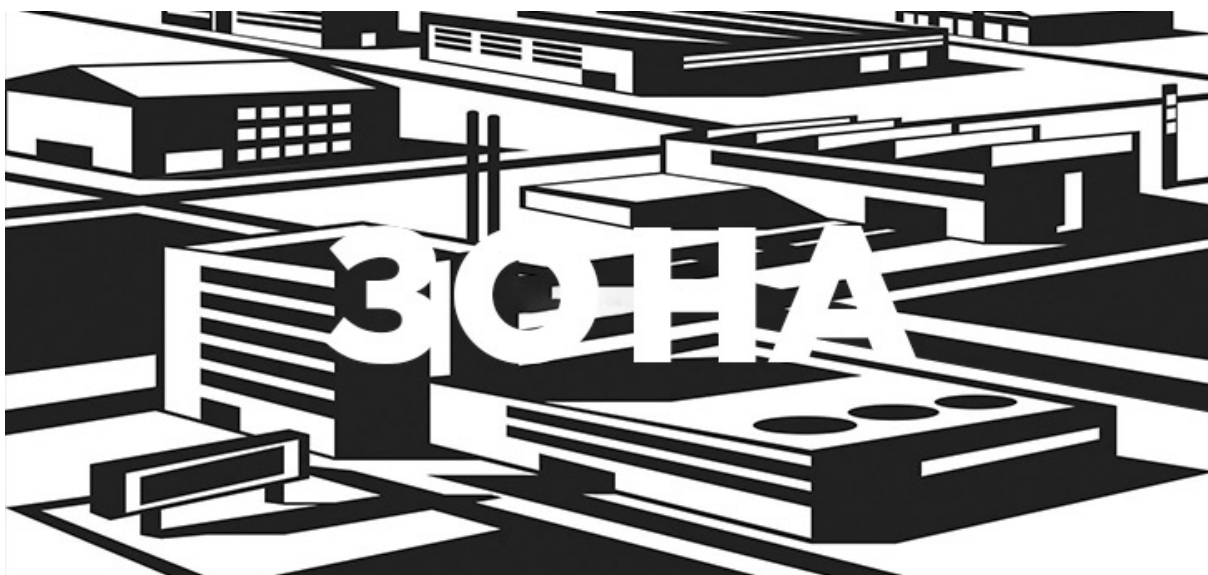

Зона доступа. Как войти в зону и выйти в этот же день

Ни один зависимый не должен умереть, не узнав, что можно выздоравливать от болезни зависимости. Наши герои рассказали нам три захватывающие истории о несении вести в местах лишения свободы. О том, как служащий БУ провёл самую топовую презентацию в своём опыте. А также как девушка из хорошей семьи поняла, что несение вести зависимым в женской зоне стало смыслом её жизни. И о том, как заключённый дошёл до отчаяния и искал путь к выздоровлению в стенах лагеря.

Но сперва зададим несколько вопросов Александру — координатору по ФСИН БУ Большая Москва, и Артёму — координатору проекта «Лагеря» БУ РЗФ.

— Ребят, расскажите про проекты «РЗФ ФСИН» и «Лагеря».

— Это большие, мощные проекты по несению вести в места лишения свободы. Отдельные команды на уровне РЗФ собрали весь доступный опыт и стали распространять его среди БУ АН. Служащие составили таблицу исправительных учреждений России и классифицировали их по приоритетности. Всего в России 982 учреждения, 180 учреждений взаимодействовали с АН, 802 не обслуживались. Эти проекты дали большой толчок для несения вести в места лишения свободы.

— Как появилась идея создать эти проекты?

Один американец рассказал нам, как в 80-е годы они ездили в автопробег по тюрьмам Сан-Диего. Мы вдохновились и организовали такой же автопробег по РЗФ. Было 6 маршрутов из разных городов, мы посетили 19 учреждений и проехали в сумме 8000 км. Из этого пробега и родилась идея проекта «Лагеря».

— Правда, что в некоторых учреждениях ФСИН проводятся собрания АН?

— Да, на территории России функционирует 14 собраний АН в закрытых исправительных учреждениях. Уже более десяти лет такие группы проводятся в разных регионах России. Ребята из БУ поддерживают их. В нашу зону ответственности входит размещение стендов литературы, и ещё мы стремимся к главному достижению — организации групп во всех учреждениях ФСИН РЗФ.

— Были ли проблемы со служащими в самом начале взаимодействия с закрытыми учреждениями?

С ресурсом служащих проблем не было, многие подхватывали идею несения вести в исправительные учреждения. Девчонки сделали красивый флаер, синий с решетками, на котором было написано: «Только с БУ ты можешь войти в зону и выйти в этот же день». Много ребят откликались, даже была очередь тех, кто поедет в следующий раз.

История Стаса. «Мурчащая весть»

Мне кажется, это одна из самых топовых презентаций в моём опыте. Мы втроём, Андрей, Виталик и я, поехали в Смоленск, чтобы помочь ребятам первый раз зайти в исправительную колонию. Уже на месте я понял, что приехал ну в очень пёстрой футболке. Как я мог до такого додуматься? Я же сам всегда всем напоминал про форму одежды. Около магазина на развале я взял себе просто шикарную хлопковую футболку сине-чёрного цвета за 150 рублей! Я в ней потом несколько раз заходил в разные управы и лагеря. Дежурная футболка для исправительных колоний (смеётся).

У меня вроде опыт хождения по зонам есть, но всё равно страшно. Всегда стоишь перед этими стенами, смотришь на колючку, и внутри есть трепет, воспоминания из употребления и лагерной жизни. И я периодически «гоню», что паспорт с собой не взял, и по несколько раз перепроверяю его в дороге. Почему-то я тому событию прибавлял какую-то дополнительную важность, что надо прям всю, всю, всю информацию ребятам передать. Я понимаю сейчас, что лучше всего расслабиться, если даже что-то упустил, потом можно всё необходимое дорассказать.

Обычно у нас презентации проходят в одном помещении: это либо клуб, либо ПВР, и туда ребят собирают. А здесь — нет. Психолог сказала, что мы зайдём сначала в один отряд, а потом в другой. У меня какой-то мандраж внутри появился. Вообще, заходить в барак — это не то же самое, что зайти в клуб или в ПВР. Это место жительства заключённых, где они все «движухи наводят». Не хотелось ударить лицом в грязь перед ребятами смоленскими, которые с нами шли опыт перенимать (смеётся).

Нас сопровождали сотрудник лагеря и психолог. Мы вели презентации в формате мини-спикерских, и в первом отряде все сидели смирно и слушали. Честно говоря, мне в какой-то момент стало грустно и неинтересно, потому что даже в линейке они какие-то более живые. Мы оставили им литературу, и нас повели в другой отряд, и вот там было самое интересное.

На вторую презентацию пришли такие, ну, «мурчащие», «газующие»... Те, кто не живёт по внутренним правилам исправительной колонии, и,

соответственно, всё было несколько по-другому. Они постоянно разговаривали, прикалывались, смешки какие-то кидали. Даже сотрудник, который с нами был, вышел в коридор и стоял там всю презентацию. А мы делились личными историями. Я пытался как-то это с одной стороны отпустить, а с другой стороны мне хотелось какую-то атмосферу всё-таки настроить. И у меня внутри была борьба, я старался их не контролировать и лишний раз в конфликт не вступать. Короче, очень неприятные ощущения.

Апофеозом всего стало, когда Виталик рассказывал про своего брата, который тоже из сидевших, но так и не дошёл до сообщества. И они вцепились в это: «Во, красавчик, короче. Нехер там у вас делать. У нас и так всё ништяк». У меня в этот момент «падает забрало», и я на злости начинаю вспоминать какие-то вещи и присказки, которые меня раньше цепляли, типа: «Лучше плохо на свободе, чем хорошо на лагере», и всё в этом духе. В итоге мы с Виталиком им нормально «насыпали» контраргументов. На их подколки мы ответили некоей агрессией, а не любовью и принятием, и, на удивление, это сработало. Они стали кивать головами и поуспокоились, «кусалова» с их стороны уже не было. Хотя это было не совсем корректно и не по принципам несения вести. Может быть, Высшая Сила вмешалась... Ну надо же себя как-то оправдать, да? Я помню точно, что меня волна злости в тот момент захлестнула, и это было живо, естественно и офигенно. Вот честно, не передать словами чувства, которые я испытываю, когда выхожу из исправительных колоний.

История Кати. «Девочка из хорошей семьи»

Я служила в БУ Большой Москвы лет пять, наверное. В то время мы ходили только в женскую колонию в Орле. У координатора Орла, Оли, заканчивалось служение, и я согласилась взять его. В Орёл, собственно, я ни разу не ездила. Мы собрались и поехали.

Мы ехали с Ольгой вдвоём, дорога была очень душевная, мы настроились, она меня проинструктировала и рассказала, что уже долго туда ходит. Мне всё равно было очень страшно идти в колонию! Я никогда там не была и не сидела, я вообще не знала, что это такое. В моём понимании всё, что связано с колониями было из разряда: прихожу туда я, девочка из хорошей семьи,

никогда не отбывала наказание, а там на кортах сидят цыгане с золотыми зубами, и зачем они меня будут слушать? — **Катя.**

Ольга в рамках 9-го Шага поставила себе задачу заходить в зоны с вестью. Она нашла главного психолога ФСИН по Орловской области, подобрала ключ к его сердцу, или просто он хороший человек, и он начал нам помогать, — **Александр.**

Я в БУ уже долго служила и знала о некоторых подводных камнях, поэтому в этом плане была подготовлена. Мы как-то спокойно зашли, нас там встретила психолог, очень хорошая женщина, которая с нами тогда сотрудничала, помогала нам, девчонок собирала. И самый страх начался после того, как нас пустили внутрь.

Я увидела там людей и реально испугалась. Причём я сразу наткнулась на цыганку с золотыми зубами! Я, конечно, от этого напряглась. Мы прошли в комнату, где проходят психологические занятия, и стали собираться девочки. Я была очень поражена и тронута прямо до слёз. Пришло очень много девочек, человек, наверное, двадцать. Они все пришли по собственному желанию, потому что ходили уже на эти группы регулярно, и, более того, они сами там собирали группы. Они вообще ничем от меня не отличались. Такие же девочки, того же возраста. Мы стали разговаривать перед группой, обмениваться какими-то фразами: «Привет, как дела?», — ну вот это всё. Кому-то оставалось сидеть ещё семь лет, кому-то десять, кому-то больше, и это меня очень сильно взволновало.

**Я увидела там людей
и реально испугалась.
Причём я сразу наткнулась
на цыганку с золотыми зубами!**

На группе девочки начали высказываться, и я заплакала. Они говорили в основном о шагах, у них были вопросы, они говорили о том, как переживают свой день, свои удачи и неудачи, кто-то писал письма, кто-то хотел по УДО уйти, кто-то хотел на поселение, как всё это не получается, и как они с этим эмоционально справляются. В тот момент я не чувствовала разницы между тем, где я нахожусь, и обычной группой в городе. Было очень трогательно.

После группы мы стали общаться, девочки спрашивали, как они могут начать писать шаги и найти себе спонсоров, потому что литературу они читали, группу проводили, но людей с опытом шагов у них не было. И Ольга говорила им, что у нас пока проблема с тем, чтобы арендовать ящик для переписки. Личные контакты мы оставлять не могли, это правило комитета БУ, даже для спонсорства.

На обратном пути мы долго обсуждали этот вопрос: что уже велись переговоры по поводу ящика, чтобы девчонки могли писать шаги, но пока без продвижений. И как-то мне очень захотелось тогда помочь во всём этом, и это виделось мне делом моей жизни. Через некоторое время после поездки звёзды так сошлись, что нам всё-таки удалось арендовать ящик, и начался проект «Переписка по шагам», — **Катя**.

История Саши. «Новая свобода»

Отбывая шестой срок лишения свободы в колонии строгого режима, я в какой-то момент два года не употреблял никакие вещества из-за условий, поставленных администрацией. Я просто трезвился. Но моё отчаяние было настолько сильным, что я искал пути начать новую жизнь после освобождения. Я был убеждён, что в очередной раз, освободившись, я пойду употреблять наркотики и, если мне повезёт, я не умру и вновь приеду в такое же учреждение.

До конца срока оставалось чуть больше года, и я прошёл лагерь вдоль и поперёк, обращаясь за помощью к людям разных социальных слоёв. Кто-то меня отправлял в религиозные реабилитации, кто-то советовал поменять город, устроиться на работу, или поменять вообще всё в корне. Всё это было вроде как бы на слуху и понятно, но я не получал то, чего искал. Я бился как

муха об стекло и не видел никакого проблеска, никакой надежды на новую, счастливую и свободную от наркотиков жизнь.

Мне всё было не в радость. Положительные новости по суду, личная жизнь — ну ничего меня просто не радовало. И совсем рядом находился человек, который отбывал со мной неоднократное количество сроков в этом же учреждении. Он очень хорошо знал о моей проблеме. В очередной раз он перебирал свою сумку и нашёл на дне одну синюю книжечку — Базовый текст Анонимных Наркоманов. Он передал мне её со словами: «На, может быть, тебе это поможет». Я прочитал первую главу, и, знаете, во мне стало пробуждаться что-то, я начал глубже дышать что ли. Я находил новые слова, которые отражали мою жизнь на тот момент: про одержимость, неуправляемость и болезнь зависимость. «Пазл» начал складываться в полноценную картинку.

Благодаря прочитанному я воспрянул. Я на самом деле проснулся после долгого сна. Те истории, которые были в конце книги — почему-то я был уверен, что их авторы — это мои друзья. У меня ни разу не возникало сомнения в том, что эту книгу написали такие же, как и я, потому что вся моя жизнь была на страницах этой книги. Я правда начал порхать, мне захотелось жить, мне захотелось творить, мне захотелось выздоравливать. Я хотел познать это максимально глубоко и начал искать связь с участниками АН.

У меня завязались романтические взаимоотношения по телефону с одной девушкой из Екатеринбурга. Мы как-то симпатизировали друг другу, и оказалось, что она ходит на группы Анонимных Наркоманов. Я ей очень благодарен. Благодаря ей и её товарищам я нашёл связь с выздоравливающими из Твери. Служащие местного БУ сразу откликнулись на мой запрос и переслали мне комплект литературы. Я попросил поддержки и обратной связи, чтобы ребята помогли мне работать по шагам, и у меня пошло всё по накатанной.

Я начал писать шаги. В учреждении и сокамерники, и администрация называли меня сектантом и шизофреником. И я им сказал: «Ребят, я вот ничего не делаю, я просто пишу. Оставьте меня в покое». И они

откликнулись, меня никто не «кантовал». В 17-м году я освобождался с тремя написанными шагами.

Я делился на протяжении всей этой письменной работы, что мечтаю в первый день своего освобождения посетить живую группу. И меня встретили ребята из АН, мы направились на группу в Твери «Южный Приход». Большая благодарность всем, кто приехал тогда меня встречать. У меня там не было лично знакомых людей, заочно я кого-то знал, но чувствовал себя, конечно, неловко. Находясь на собрании в кругу таких опрятно одетых красивых ребят и девушек, я встал, чтобы высказаться, и мне говорили: «Ты присядь». Я на тот момент, наверное, думал, что эти ребята немножко лучше меня или выше как-то. Но, продолжая заниматься программой, я со временем понял, что среди нас нет кого-то хуже или лучше — все мы обременены одной болезнью. Вот так началось моё выздоровление на свободе, но не на той свободе, куда я раньше выходил.

У меня ни разу не возникало сомнения в том, что эту книгу написали такие же, как и я, потому что вся моя жизнь была на страницах этой книги

